

ДЕКЛАРАЦИИ БИОКОСМИСТОВ

А. СВЯТОГОР

Биокосмическая поэтика

(Пролог или градус первый)

Пред нами великие задачи — и потому мы опрокидываем ходячие верования, идеи, и нам, как восставшим против предрассудков, уже обязано будущее. Меньше всего нам свойственно чувство почтительности, нам ничуть не импонирует величие натуральной необходимости. Наш первый и последний враг — равновесие натурального порядка. Разве есть сребренники, за которые мы предали бы, как Иуда, во власть необходимости наше бытие, этот мир, в котором живем, — букет цветов, который вдыхаем?

Мы утверждаем, что теперь же на повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия.

Пора устранить необходимость или равновесие натуральной смерти. Ведь всякий закон есть выражение только временного равновесия тех или других сил. Лишь стоит ввести силы новые или изъять часть сил действующих — и данное равновесие (гармония) нарушится. Если двинем силы, цель которых реализовать бессмертие, — то эти силы, как бы другие им ни противодействовали, смогут нарушить равновесие смерти и явить равновесие бессмертия. Ведь прежде всего к равновесию бессмертия стремится каждая жизнь.

В повестку дня мы включаем и «победу над пространством». Мы говорим: не воздухоплавание — это слишком мало, — но космоплавание. И космическим кораблем, управляемым умудренной волей биокосмиста, должна стать наша земля. Нас слишком шокирует то, что земля, точно коза на привязи у пастуха — солнца, извечно каруселит свою орбиту. Пора иной путь предписать земле. Да и в пути других планет нелишне и уже время вмешаться. Нельзя же

оставаться только зрителем, а не активным участником космической жизни.

И третья наша задача — воскрешение мертвых. Наша забота — о бессмертии личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Воскрешение мертвых — это восстановление в той же полноте ушедших в гроба. При этом мы отнюдь не впадаем в трясину религии или мистицизма. Мы слишком трезвы — и религии и мистике объявляем войну.

Таков наш биокосмизм. Он, несомненно, величайшая дерзость. Но великое и дерзкое оскорбляет, и мы уже видим глухую и явную ненависть — ведь биокосмизм принижает все идеи, все идеологии. Но мы оптимисты, а не безумцы. Безумны те, кто хочет сделать людей свободными и превосходными вне биокосмизма. Они подобны Робеспьеру, который начал желанием осчастливить человечество, а пришел к мысли истребить его. Всякая идиллия о «счастье на земле» вне биокосмизма — вреднейшая иллюзия, начало чудовищной тирании.

Пред нами величайшие задачи. Но разве у нас постные или мрачные физиономии, как у монахов или диктаторов? У нас уже иная психика. На биокосмических путях мы чувствуем себя необычайно просто и весело, превосходя в этом смысле счастливейшего киренаика Аристиппа. Подобно мальчику, который катит обруч, мы творим биокосмическое.

Улыбчиво и радостно мы реализуем бессмертие. Зовем на кладбище и беззаботно готовы на верфи биокосмических кораблей.

Мы креаторы. Нами уже основан «Креаторий биокосмистов». Для невежественных мозгов креаторий звучит как крематорий — и они, пожалуй, правы. Нам действительно необходимо сжечь слишком многое, если не все. Ведь биокосмизм начинает новую эру. Вся предшествующая история от первых проявлений органической жизни на земле до солидных потрясений последних лет — это одна эпоха. Это эпоха смерти и мелких дел. Мы же начинаем великую эру — эру бессмертия и бесконечности.

Какова же наша эстетика?

Наша эстетика — не вывод из наблюдения, регистрации и анализа имеющихся форм. Описательная эстетика, несмотря на все присущее ей значение, не может быть в то же время предписывающей эстетикой. Всякая попытка ее в этом направлении есть необоснованный выход из присущей ей области, есть узурпация несвойственных ей прав. *Ведь невозможно путем установления того, что есть, предписать то, что желательно или может быть.*

Наши основные понятия стиля вытекают из биокосмического идеала. Это наш метод и масштаб наших оценок. Мы не можем взять эстетику символистов или футуристов не только потому, что

они изжиты и отходят в прошлое, но потому что у нас есть свой критерий. У нас также нет желания сунуть свой нос в какую-либо филологическую или стилистическую мышеловку. Нам ничуть не imponируют ни Потебня, ни Веселовский, ни Погодин и подобные им. Центр нашего понимания не историческая или психологическая эстетика, но эстетика телеологическая. Еще в меньшей мере, чем старые предрассудки, нас могут смутить полуграмотные построения сегодня. <...>

Наш стиль начинается не с отдельного слова, хотя бы и художественно конкретного, но *с ряда слов*. Центр нашего внимания не отдельные слова, но ряды слов, не столько этимология, сколько синтаксис. И потому: творчество словесных рядов — разнообразие сочетаний их элементов.

Мы творим не образы, но *организмы*. Образ слова базируется на внешнем зрении, на поверхности. Образ — только впечатление, только описание, — и потому он недостаточен. Образы, если они не объединены, — только хаос. Здоровый путь творчества лежит от образа к ряду. Ставить для поэта образ во главу угла — значит впасть в колею регресса, идти не вперед, а назад. Ряд же есть начало космоса. Мы не образоносцы, но рядотворцы.

Но разве мы пренебрегаем словами или же они для нас одинаковы? Одни слова мертвы, в других чуточку мелькает жизнь, и только изредка попадают краснощекие слова. Мы любим ядерные слова и оживляем слова мертвые. Но воскрешение слова не в раскрытии образа его, но, скорее, в ловком подборе префиксов и суффиксов. Кроме того, нас интересуют личины слов, нас привлекают слова как оборотни, как маскарад.

Слово убегает от своего первоначального смысла, отрывается, надевает личину. Но слово как личина полнее всего оживает в ряду слов. Ряды расцветивают слова, заостряют их, упругат, разнообразят. Творческая воля креатора заставляет слова в ряду бывать по-иному. Слова в ряду — это форма, меняющая объем и содержание, тут одно и то же слово попадает на разные полки. В ряду слова играют конкретным, как мячами. Творчество словесных рядов — это преобразование и воскрешение слов.

Кроме того, мы беременны новыми словами. Так, мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы междометий на Марсе и других планетах. Мы думаем, что из биокосмических междометий (в широком смысле) родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу. (Это, конечно, не эсперанто, последний — пустая затея, даже язык дикарей неизмеримо выше эсперанто, потому что он ограничен). Для нас крайне важны и выразительные свойства глагола. Разве мы, подобно футуристам, можем ограничиваться только неопределенным

наклонением? Мы слишком определены и актуальны. И нам слишком мало даже четверки наклонений. Десятки и сотни наклонений! Нам необходимо наклонение космоса и наклонение бессмертия!

Наш стиль начинается рядом. Ряд — это прямая или кривая, вычерчиваемая ходом творческого духа. Но ряд еще не метр. Метр — это внешняя схема, биокосмический дух вообще не укладывается в нее. Биокосмический дух вычерчивает иную схему. Как поэты, мы имеем в виду ряды, построенные: на биокосмическом ритме, который телеологичен, на жесте, на интонации, на мимике, на весе, на темпе и на температуре. Мы враги всякой данной стабилизации в языке. Нам нужен новый синтаксис, построенный на параллельности биокосмических рядов. Нам нужны предложения, творимые по принципам геометрии. Ведь грамматика только неудавшаяся математика. Мы решили быть Лобачевским в грамматике.

Мы рядотворцы, но ряды для нас только живые клетки для творимых организмов. Художественный организм — наша крайняя цель. Он не есть только агрегат рядов, но живое целое, в котором одни части кооперируют с другими. Слово в ряду, помимо своего содержания и содержания, обусловленного местом в ряду, в художественном организме оплодотворяется и расцветает более сложным — весом всего художественного организма. И все характерные признаки ряда в полной мере улавливаются, воспринимаются только в контексте, в художественном организме. Последний пульсирует и дышит, улыбается и хохочет, как совершеннейшая тварь. В нем наша высшая цель и глубокий смысл.

Смерть не устает, она ежесекундно вершит свое гнусное дело, казнит живущих. Поэт — биокосмист — это борец и певец в таборе восставших против смерти и диктатуры пространства. О бессмертии и космическом полете, о воскрешении мертвых творит свои живые организмы поэт-биокосмист. И ему ли быть идолопоклонником, когда он должен разрушить все капища и алтари. Ему ли хлопотать в болоте мелких дел, отсиживать канцелярские часы или торговать побрякушками, когда он должен разворотить тупые мозги, чтоб посеять в них зерна биокосмизма. Ему ли быть спокойным и бродить с закрытыми глазами, когда даже пятки его должны быть вооружены телескопами. Ему ли хныкать и дремать в колее меланхолии, когда его зовет величайшее творчество, о котором не грезил еще ни один творец, ни одна самая горячая голова. <...>

П. И. ИВАНИЦКИЙ

Пролетарская этика

(NN. О пролетарской этике. Изд-во В.Ц.И.К. Стр. 45. Москва)

Ценность этой книжки в том именно, что она дает совершенно определенный ответ на вопрос о новом социальном максимуме, провозглашение которого делает возможным наша революция. Это интерпланетаризм — завоевание космоса и иммортализм — осуществление бессмертия личности.

«Мы не можем себе и представить, — говорит наш автор, — насколько могуществен станет человек будущего, насколько велика будет его власть над природой. Он тогда завладеет миром и распространит свой род в далеком мировом пространстве, овладеет планетной системой. <...> Все теории о гибели земли, о гибели человеческого рода являются слишком неосновательными гипотезами, пессимистическими утопиями. Неосновательны они потому, что при своих заключениях упускают из виду самые элементарные факты. Они рассматривают гибель жизни с точки зрения современных условий ее существования, с точки зрения ее приспособленности, но ведь жизнь эластична <...>. И то, что, быть может, как нам кажется, сейчас грозит жизни гибелью, будет эксплуатировано ею для своего развития. <...> Человеческая воля, человеческая мысль имеет свойство реализоваться. Человеческому творчеству нет пределов.

И мы, борясь теперь за общественный идеал, в конечном счете боремся за человеческую индивидуальность, боремся за индивидуальное бессмертие» (Стр. 37—39)¹.

Но если мы, биокосмисты, с негодованием отвергаем соглашательство со смертью, то не иначе мы отнесемся и к социал-предательству, выражающемуся в отказе от постановки в порядок дня проблемы воскрешения как выполнения товарищеского долга.

Когда мысль о смертности и о необходимости коллективно бороться за жизнь проникнет в сознание всех людей, оно перестанет быть буржуазным, оно станет пролетарским, перманентно революционным. В самом деле, именно для пролетарского сознания характерна мысль о смертельной опасности, угрожающей жизни, и в то же время убеждение, что невозможно индивидуальными усилиями отстоять жизнь, необходимо объединение всех пролетариев. Такое исключительно ясное революционное сознание свойственно пролетариату вследствие его особого социального положения, которое более опасно, чем положение армии, окруженной неприятелем. Ведь капитал в плен не берет выброшенных из про-

изводства рабочих, но всех их обрекает на гибель. Точно так же природа не берет никого в плен, но всех предает смерти, всех казнит.

Теперь человечество коллективную борьбу с природой ведет главным образом силами индустриального пролетариата. Но когда все люди придут к пролетарскому сознанию, могущество человеческого гения неимоверно возрастет. Враждебные силы природы будут побеждены, власть человека распространится в далеком мировом пространстве. Но пролетарское человечество, конечно, не ограничится осуществлением бессмертия только живущих, оно не забудет погибших за осуществление социального идеала, оно приступит к освобождению «последних угнетенных», к воскрешению прежде живших. Ведь материальная основа человека (атомы его организма) принципиально не исчезает, и, следовательно, есть надежда на ее восстановление. Тогда в бесконечных просторах вселенной найдется достаточно места для всех и исчезнут причины для индивидуальных столкновений.

В данный же момент, накануне победы науки над смертью (опыты омоложения Штейнаха, опыты оживления д-ра Андреева²), когда шар земной становится тесным для человеческой техники (300-верстная скорость аэропланов, 18-тысячная дальность радиотелеграфии) особенно нежелательны вызываемые какой-нибудь <удь> неопределенностью целей конфликты и растрата революционных сил. Интерпланетаризм и иммортализм — вот совершенно очевидные идеалы, которые могут объединить человечество. Приняв их, уже легче будет говорить о средствах и вообще понять друг друга. Поэтому мы, биокосмисты, полагаем, что остающиеся глухими к этим лозунгам, несомненно, приготавливают себе место в хвосте революции.

Если сказанное мало приемлемо для социалистов, мыслящих буржуазно, то еще менее — для подлинного буржуа, который живет как зверь изо дня в день и трусливо гонит прочь мысль о конце.

Что думает буржуа о гибели других людей, великолепно выразил идеолог отживающей культуры Хауса и Штадта (Города и Дома) Вл. Маяковский («150 миллионов»): «А на случай смерти, не пропал чтоб труп, маслобойни и салотопки стоят».

Лицемерная буржуазия, следуя пословице «с глаз долой — из сердца вон», хоронила своих умерших на задворках города. Не так поступает пролетариат. Не на окраину отправляет он тела наиболее дорогих своих товарищей. Нет, он хоронит их в центре, на Красной площади, на Марсовом поле, чтоб всегда о них помнить. А когда придет час торжества человеческого разума над смертью, он придет на их могилу и воскресит их.

А. АГИЕНКО

Голод и биокосмизм

<...> Голод весьма наглядно раскрывает ту правду биокосмизма, что основа распада личности и общества лежит в смерти. Пред лицом неизбежной смерти человек обращается целиком в до крайности раздраженный алчбой желудок, который в диком ужасе кричит о пище. Для такого желудка все человеческое не только обращается в нуль, но вырастает даже в отрицательную величину. Разве не злейшей насмешкой прозвучит проповедь о любви к матери, гложущей кости своего ребенка? Там, где голодная смерть, личность и социальность рассыпаются вдребезги. Об этом ежедневно напоминает пресса. Это — свидетельство действительности, которое целиком подтверждает (якобы парадоксальные) утверждения биокосмизма.

Действительность подтверждает и другое основное положение биокосмизма, что только борьба со смертью является подлинной, единственно прочной основой для духовного и материального объединения людей. <...>

Обсуждаемый вопрос не есть вопрос только о том, как практически ликвидировать *данный* голод. Вопрос необходимо поставить шире и практически, и теоретически. Думать о ликвидации только данного голода значит рассматривать борьбу с ним как нечто случайное. Но нужно помнить, что переживаемый голод хотя и является беспримерным в русской и европейской истории, все же он не первый и не последний. Поэтому борьба с голодом не может оставаться только эпизодической. Но должна стать систематической. <...>

<...> У нас, как в стране континентальной, причина голода на востоке, гл<авным> образом, — засуха, а на юге — сухие горячие восточные ветры. Если бы мы в достаточной мере располагали метеорологической техникой, чтобы вовремя вызывать необходимое количество атмосферных осадков там, где в них оказывается насущная потребность, если бы мы в достаточной мере могли воздействовать на ветры в смысле регулирования и управления ими, то голодовки как стихийное бедствие безвозвратно ушли бы в прошлое. Практически вопрос о регуляции атмосферных осадков не является утопией. В Америке уже давно начали производить опыты по вызыванию дождя, и у нас этот вопрос поднимался в печати еще в прошлом веке (проф. Старков и другие)². Это дело необходимо приблизить к надлежащей практической постановке его.

В конечном счете вопрос об управлении погодой есть вопрос всемирный, интернациональный, космический. Это — великое дело и требует широкого размаха в смысле сил, средств и территории. К нему необходимо приступить теперь, инициатива должна принадлежать «Очагу всемирной революции», тем более что этот очаг слишком поражен стихийным голодом, что должно особенно подсказывать и укреплять мысль о необходимости подчинить погоду воле человека. Кроме того, управление погодой как дело всемирное требует устранения классовых разделений и потому совпадает с задачами мировой революции и тем опять-таки должно усиливать ее, служить новым аргументом в пользу революции.

Выдвигая вопрос об управлении погодой как меру предупреждения голодовок и ликвидации их навсегда и подчеркивая революционный смысл этой задачи, мы в то же время в этом деле, в пропаганде его видим и дальнейшее биокосмическое значение. Управление погодой — это уже высокая ступень по дороге в космос. Владеть погодой значит уже владеть отчасти космосом, потому что метеоры — это уже небесные тела, и управление последними является преддверием к управлению собственно космическими телами. Управление погодой для нас является ближайшей задачей интерпланетаризма. <...>

А. СВЯТОГОР

«Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм

<...> Биокосмизм мы выдвигаем как решительную, смелую и здоровую мысль в противовес трусливой и слабой современной анархической мысли и как новую концепцию в противовес доктринам прошлого. Мы, конечно, не питаем особой надежды, что слабая, хотя и усомнившаяся в отцах, мысль придет к нам, примет биокосмизм. Она для этого слишком робка и мелочно самолюбива. Но мы имеем основания надеяться, что свежие, здоровые, бодрые анархические силы, прошедшие опыт революции, придут и уже идут к биокосмизму.

13. В огне революции построения старого анархизма испытания не выдержали. Но этот огонь не мог и никакой другой никогда не сможет испепелить основной стержень жизни — живую человеческую личность. Если воздвигнутые на этом базисе идеологические постройки, подвергаясь пожару, гибнут, то базис для новых построек всегда останется. В то же время на месте погибших

зданий воздвигаются здания более вместительные, грандиозные, отвечающие требованиям времени, а главное, требованиям личности (и общества).

14. Новые постройки требуют расширения базиса. Понятие личности во всех старых анархических концепциях слишком узко. Сужение принципа личности — коренная ошибка анархических доктрин, в силу чего они с первых дней своего бытия были внутренне несостоятельны, и нужно было время, чтобы обнаружилась их иллюзорность.

В старом анархизме проблема личности не была должным образом поставлена. Любая концепция базируется на слишком одностороннем, поверхностном понятии личности. Вместо живой личности бралось или социально-политическое лицо, или эгоист (Штирнер), или альтруист (Годвин). А то, якобы научно, устанавливалась малость человека (Кропоткин). Или бралась личность как бунтарь, разрушитель и тем умалялось ее положительное — творчество, созидание. Словом, бралась не личность, но односторонняя абстракция от личности.

Личность бралась в ее статике, в узко очерченном круге от рождения ее до смерти, но не в ее динамике, не в росте ее творческих сил. По отношению к личности всеми анархическими доктринами смерть утверждалась абсолютно. (Странно, что анархическая мысль, протестуя против авторитетов, не восстала против авторитета «натуральной смерти».) Личность бралась вне ее глубочайшей жажды бессмертия и, следовательно, вне подлинного творчества.

Старый анархизм имел, в сущности, не положительное, но отрицательное представление о личности. Ему казалось, что он утверждает личность, в сущности же он отрицал ее, выказывал дурное представление о ней, затушевывая живого человека, оставляя его в тени, подменяя абстракцией. Умалая человека и в то же время слишком предоставляя его личной судьбе, анархизм вел его к индивидуальной и социальной катастрофе.

Такова коренная ошибка всех анархических концепций, ошибка в основе. Корень был слишком тощ, и потому сами концепции тощи, односторонние, абстрактные, безжизненные, утопичны.

15. Мы утверждаем не голое индивидуальное сознание, не социально-политическое лицо, не эгоиста или альтруиста, не маску или абстракцию, но живую человеческую личность. Ее нельзя исчерпать целиком эгоизмом или альтруизмом. Ее не уложить в любую отвлеченную рамку. В основе ее лежит инстинкт бессмертия, жажда вечной жизни и творчества. Она растет в своих творческих силах до утверждения себя в бессмертии и в космосе. Новая концепция должна быть обнаружением, утверждением не абстракции, но живого реального человека.

Человек — это не маленькое существо со смешными претензиями на всеохватывающую беспредельность, как в свое время, базировавшись на коперниковском перевороте в астрономии, quasi научно думал Кропоткин (так же думал славянофил Данилевский, а ныне — на шумевший Шпенглер). Пред человеком (человечеством) открываются грандиозные перспективы, каких еще никогда не было. Борьба со смертью уже не является принципиально невозможной (опыты Штейнаха, Андреева, Кравкова¹ и др.). Возможность индивидуального бессмертия (иммортализм) уже можно обосновать научно, а завоевания физики и техники дают основания к научной постановке космической проблемы (интерпланетаризм).

16. Высшее благо — это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло — смерть. Мы имеем в виду реальную жизнь и реальную смерть. Все другие блага заключаются в жизни, всякое зло коренится в смерти. Выдвигая свободу от «естественной необходимости», право человека на вечное бытие в космосе, биокосмизм является проблемой максимальной свободы и максимального права личности.

Высшее благо мы выдвигаем как то, что необходимо реализовать, — как максимальное творчество. Мы особенно подчеркиваем творческий момент в биокосмизме. Личное бессмертие не дано, оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного, как говорит библия, но создание еще небывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса. Иммортализм и интерпланетаризм — это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творчеству. Но эта цель впереди — и потому она величайшая.

Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) включает мистику, которая бросает в хаос, в пустоту. Это — задача трезво реалистического сознания. Но мы ничуть не отождествляем цели с бытием, не базиремся целиком на данности — иначе нам пришлось бы отказаться от свободы, от творчества, от личного.

Биокосмизм устраняет скептицизм, развязывает человеческое творчество, сообщая ему невероятную силу, могучий размах. Это маяк, к которому направляется человечество, это фундамент и руководящая нить личных и общественных дел. Это — масштаб человеческих действий. Биокосмизм и только он может определить и регулировать совершенную общественность,

17. Старое общество рушится. Оно переживает «бабье лето», отходит в сумерки, его ждет ужас ночи. Наша задача — создание новой жизни, нового бытия, новой культуры на основе великих целей биокосмизма.

Современное (буржуазное) общество ведет к смерти, базируется на ней. На том основании, что сегодня личность смертна, оно утверждает смерть личности абсолютно. Оно глубоко развращено формулой: «смерть неизбежна». Эту формулу санкционирует религия и старое научное сознание. Эта формула погасила в человеке дух возмущения против смерти. Утверждая смерть и локализм в пространстве, современное общество тем самым санкционирует все зло социальной жизни. Если так будет продолжаться дальше, то человечеству грозит полное моральное и физическое вырождение. Такое общество должно быть разрушено до основания.

Общество должно быть построено на принципах биокосмизма. Утверждая основное право каждого на вечную жизнь, такое общество не может допустить деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабов и господ. Оно гарантирует максимум индивидуального развития и самоутверждения. Оно будет в высшей степени гармоничным, что вытекает из единства идеала составляющих его единиц. Когда идеи биокосмизма станут достоянием каждого (противное невозможно), оно станет безвластным, ибо тогда основная идея общества каждым будет осуществляться свободно.

Мы утверждаем всеединство по отношению к нашей великой цели. Борьба за индивидуальное бессмертие, за жизнь в космосе — это всеобщая воля. В то же время локализм во времени (смерть) и пространстве неодолим индивидуальными усилиями. Отсюда необходимость социальности. Только единение в великой цели гарантирует победу над смертью и космическим пространством. Борьба за бессмертие и жизнь в космосе — вот подлинная основа новой социальности.

18. В новом обществе люди объединяются не принуждением, но сознанием общности великих задач. Общество, осуществляющее интерпланетаризм, реализующее личное бессмертие, воскрешающее мертвых, — такое общество утверждается каждым как осуществляющее высшее благо каждого. Общая максимальная цель исключает индивидуальную измену ей ради другой цели, всегда меньшей. Поэтому верность ей незначимым обуславливать договором (Прудон и др.). — Здесь личная воля и дело имеют как бы бесконечное повторение в соратниках, в то же время каждый шаг к биокосмизму увеличивает индивидуальную мощь. Это общество — «орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу». — Как индивидуальность, так и общественность мы утверждаем более, чем кто-либо. Насколько маятник сильнее качнется в одну сторону, настолько больше его отклонение в другую. Насколько мы крайние индивидуалисты, настолько мы крайние общественники.

19. Новое общество — это не маленькие общины или союзы, которые «не чувствуют потребности в увеличении своего размера»

(Годвин и др.). Старый предрассудок и заблуждение о маленьких пространствах необходимо отбросить как изживающий себя атавизм, как наследие Средневековья. Прежде всего максимум пространства (иначе мещанство). Лишь на огромных пространствах всеединство людей может осуществлять великие действия. Биокосмическое общество всеземно, интерпланетарно.

20. Биокосмическое общество максимально свободно. Поставленная проблема требует от человека страшной свободы. Человек (человечество) никогда так не предоставлялся самому себе, как в биокосмизме. У него нет надежды на бога, на загробную жизнь. Он стоит лицом к смерти как обычной реальности, и это зло он должен победить без помощи извне (свыше), сам, вполне реальным, своим путем.

21. В биокосмизме люди объединяются как соратники, ибо соратничество — наиболее творческое взаимоотношение. Соратничество противоположно братству как нетворческому взаимоотношению. В братстве отношения даются наперед, предрешены природно, потому здесь нет творчества. В соратничестве ничто не дано, но достигается, создается. Братство — консервативный, нетворческий, изживаемый принцип. В нашем боевом напоре в бессмертии и космос мы утверждаем не братство, но соратничество*.

* Невежды, понаслышке знакомые с «философией» Н. Федорова, и враждебные нам элементы не прочь упрекать нас в близости к Федорову². Оставляя «философию» Федорова до специального очерка, заметим пока, что биокосмизм возник совершенно самостоятельно, вне знакомства с этой «философией», а в дальнейшем, ознакомившись с ней, мы увидели, что она нам совершенно чужда.

Ф<едор>ов, согласно чуждому нам религиозно-платоновскому дуализму, исповедует два мира — один совершенный, божественный, другой человеческий, в который, согласно библии, вошла смерть, и дело человека сводится к борьбе со злом, со смертью, в форме восстановления праха отцов. Мы же, зная один реальный незаконченный мир, исходим из реализации личного бессмертия живых и интерпланетаризма, базируя прежде всего на этом наше «общее дело», воскрешение же отодвигаем на третье место. Для Ф<едоро>ва проблемы реализации личного бессмертия (центральной в биокосмизме) вовсе не существует и все сводится к воскрешению, все исчерпывается им, подчиняется ему.

Воскрешение — единственный пункт, в котором мы пересекаемся с Ф<едоро>вым, но это лишь внешнее пересечение в термине, но, по существу, здесь у нас с ним столько общего, столько с любым попом, говорящим по-своему о бессмертии, т. е. ничего общего нет. Воскрешение понимается им крайне наивно, в самой грубой форме материализма — атомизме, как архиутопическое собирание расплывшихся атомов «в тела отцов, какие они имели при кончине»³ (что, в сущности, отнюдь не устраняет смертности восстанов-

22. На пути к биокосмизму мы опираемся на революцию, на действие и пафос революционного класса. Биокосмизм родился в бурном взрыве революций, мы неотделимы от революции, и в ней наша опора. Биокосмический порядок вещей явится в результате победы революции. Целью революции является уничтожение классов, что составляет необходимую предпосылку для постановки проблем биокосмизма во всеземной полноте. Но биокосмизм как максимальная программа уже теперь необходимо может способствовать единению, воодушевлению, победе революционного класса.

23. Считая, что на пути к биокосмизму будет изжито государство, мы в то же время подчеркиваем необходимость положительного отношения к советской системе. Советское государство нельзя смешивать с государством буржуазным. С одной стороны, советы — необходимая организация революционной борьбы против старого мира. С другой — они являются носителями функции борьбы с природой, т. е. содержат в себе тенденцию к биокосмизму.

В переходное время советы, конечно, не могут целиком стать органами борьбы с натуральным гнетом. Они должны выполнять

ленных тел, представляя собою сизифову работу). Это не творческое преобразование, но механическое восстановление. Мы же исходим из чуждой Ф<едоро>ву идеи творчества. Биокосмизм, не ограничиваясь практикой в пределах существующих законов и свойств материи, ставит целью изменение самих законов бытия, материи творческою силою человека (без соловьевски-трубецковско-беловской благодати свыше). Лишенная идеи творчества, утопия Ф<едоро>ва нам органически чужда, что, между прочим, выражается в нашем отрицании дорогого Ф<едоро>ву «братства» как нетворческого взаимоотношения людей и в утверждении соратничества.

Представление о двух мирах, божественном и человеческом, привело Ф<едоро>ва к полному оправданию царизма. Его «философия» — последняя (довольно архаическая) попытка спасти царизм и православие. Ф<едоров> был порождением православия и царизма, в форме несложной и спутанной программы уездного учителя. На этой программе «закона божия» и легкого знакомства с естественными науками построена вся его «философия». Тут божественное и человеческое смешаны в неразрешимом и незамечаемом им противоречии и непоследовательности.

Революция обнаружила всю абсурдность попытки Ф<едоров>а спасти царизм и православие. И от «философа» ничего не осталось, если не считать живых мертвецов от интеллигенции, уныло посвящающих в дудку национально-кадетской «философии», да немногих «федоровцев». Если для первых Ф<едор>ов лишь один из аргументов в пользу их «программы», то для других, как для эпигонов, он — шаткая библия, обрешая их на безнадежное балансирование между православием и атомизмом.

функцию борьбы со старым миром, в форме диктатуры (в переходное время диктатура необходима и целесообразна). Отсюда неизбежно некоторое принуждение, но это принуждение совсем иного порядка, его нельзя расценивать как принуждение в буржуазном государстве. Все возражения против государства как системы насилия, подавления индивидуальной свободы и т. д. по отношению к советскому государству не имеют смысла.

Старая форма государства отходит в прошлое. Новая, советская форма является иной по своим целям, путям. Советская система, в принципе гарантируя освобождение человека от ига внешней природы, уже теперь способствует росту личной сознательности, освобождая личность от ига традиции. Возрастает сознание личной свободы и ответственности как результат советизации, связи. В советах люди связываются в силу сознания важности совершающейся борьбы, которая требует выдержки и дисциплины. В советах человек учится уважать другого и самого себя, а буржуазное общество как общество господ и рабов исключает должное взаимное уважение.

Мы полагаем, что поскольку функция борьбы со старым миром, по мере побед революции, будет отпадать, постольку в советском государстве будет возрастать функция борьбы с гнетом натуральным, и что обе функции, обозначая путь к биокосмизму, подсказывают постановку проблем иммортализма и космоплавания теперь же в повестку дня.

